

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
mvalent@mail.ru

**Об одном архаическом мотиве:
«Твои горы (дом, дети) горят!»***

Среди вербальных апотропеев в славянской демонологии достаточно редкой надо признать формулу, в которой женскому мифологическому персонажу (далее МП) сообщают о том, что его дом (дети) в огне, дети плачут. Две составные части формулы (горящий дом и плачущие дети) могут выступать и отдельно друг от друга.

Большая часть данных (записи XIX–XXI вв.) относится к региону Восточных Карпат, где мотив чаще всего выступает в связи с запретом женских домашних работ: прядения, тканья, стирки и особенно золения в определенные праздники. В качестве МП выступают демонологизированные святые, память которых празднуется в запретный для работы день: Варвара, Савва (часто ассоциируется с женским именем и объединяется в один хроним *Сава-Варвара*), Люция, — а также персонифицированные дни недели: Среда, Пятница, Неделя.

Примеры таких формул: *Савы-Варвары, Варварскы горы горят!* — Варвара сразу же ушла, приговаривая: «Йой боже, та то мої діти горят!». Известен подобный сюжет и о Середи [Вархол, 1982, 289]; *Ой, Пятниця, осияцька гора горит!* — после чего Пятница убегает с криком: «Та там мої діти згорят!» [Левкиевская, Толстая, 2009, 632]; *Hory Savianskije i Varvarskije horiat* «Горы Савианские и Варварские горят» (Вышняя Радвань, округ Медзилаборце; словац.) [AT ŮEt SAV]; *Hury, leši horia, i Lucovo dzeci pohoria!* «Горы, леса горят, и дети Люции погорят!» — отчего Люца убежала прочь (Будковице в Земплине; словац.) [Ibid.].

Аналогичный мотив известен и для защиты от ястреба, таскающего кур; увидев его, кричали: *Гей, астрабова хижа горить!* — но, а астреб

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический подход» (рук. С. М. Толстая).

вже шiol гет дому позерати, же ці праўда (Руски Грабовец, округ Собранце; словац.) [ПМ]; *Круть-круть, крутило, бий-бий железо, ястрабова хижа горить!* (Убля, округ Снина; словац.) [Там же].

В русском предании о демоне-Середе женщина спасается тем, что кричит в окно: *На море Серединские дети погорели!* [Афанасьев, 1, 242–243].

Усеченный мотив «твои дети плачут» находим в некоторых других контекстах. Например, при лечении детской бессонницы произносили: «Зоря зорьница красная девица твои дети плачут гулять хотят, мой дитя плачет спать хочет дай покой» (Лукино) [Знатки, 450].

Мотив отмечен также у литовцев: «Женщина говорит, что на восточной (западной) стороне слышно, как кого-то бьют и плачут дети (говорит, что небо падает / изба загорелась), — лауме выбегают из избы» [Кербелите, 2001].

Согласно В. Н. Топорову, этот мотив относится к «основному» мифу [Топоров, 1981; 1984; 2004], к той его части, где речь идет о наказании за измену жены Громовержца и/или ее детей. В частности, мотив горящего дома разработан «в особой версии “основного” мифа, претендующей на особую самостоятельность: женщина, мать детей, в запретный день для стирки (пятница) все-таки стирает, вступая в контакт с двумя противоположными стихиями — водой и огнем (через употребляемую при стирке щелочь) (т. е. золит белье. — М. В.), и после стирки уходит; оглянувшись, она видит дом, в котором остались ее дети, объатым пламенем...» [Топоров, 2004, 54].

Известна «энтомологическая» версия основного мифа, в которой жена Громовержца, кодируемая образом божьей коровки, выступает в сюжете небесной свадьбы в виде солнцевой дочери (ср. укр. *сонечко*, блр. *сонейка*, *солнышка*, чеш. *sluněčko*, в.-луж. *špynčko* ‘божья коровка’). Образ этот ассоциируется с положительным началом, но одновременно сохраняет следы трансформаций отрицательного женского персонажа, жены Громовержца [Топоров, 1981, 281–282], например в контексте «темы наказания огнем» в ряде фольклорных текстов: н.-луж. *špynčko*, *špynčko*, *letkaj domkaj, twoja budka se pali, twoje žižetka plaku* «божья коровка, лети домой, твой дом в огне, твои дети горят» [Там же, 283]; *Šluńcko, šluńcko, lěškaj domoj. Twoja budka se pali. Žižetka su ognju!* «Солнышко, солнышко, лети домой. Твой дом горит. Детки в огне!» [Терновская, 1993, 52].

«Мотив горящих детей, наказанных за некий грех матери (“не свои” дети) или за нарушение запрета, хорошо известен как в ряде версий основного мифа (например, на Балканах, где обнаруживаются и другие важные параллели в этом же сюжете), так и в некоторых литературных текстах с мощным архетипическим слоем» [Топоров, 1981, 283–284].

Более далекие отголоски мотива «детей солнца», в котором под «детьми» понимаются земные люди, можно видеть в восточнославянских приговорах — при встрече весны: «Солнышко-ведрышко! / Выглянь в окошечко, / Твои детки плачут, / Есть-пить просят...» или когда небо заволокут тучи: *Выглянь, солнышко! твои детки плачут* [Афанасьев, 1, 521, 743], в детских закличках: *Сонечко-сонечко! выглянь у виконечко; твои дитоньки плачуть, йистоньки хочуть* (укр.) [Номис, 1993, 54].

Этот мотив, уже вне связи с основным мифом, входит в арсенал мотивов других жанров мифологической прозы в славянских и балтийских традициях, где люди и демоны морочат, обманывают друг друга.

Устойчивость рассмотренного архаического текста и его символики (огонь, дети, дом, плач, наказание) свидетельствует о его мифологической и аксиологической важности, а трансформации и вариации мотива способны дать материал для изучения функционирования мотивов в мифологической прозе.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 1. М., 1994.
Вархол Н. Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1982. Т. 10. С. 229–262.

Знатки, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / ред. А. Б. Мороз. М., 2012.

Кербелите Б. Типы народных сказаний. СПб., 2001. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite1.html>.

Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Параскева Пятница // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2009. С. 631–633.

Номис 1993 — Українські приказки, прислів'я, і таке інше / укл. М. Номис. Київ : Либідь, 1993.

ПМ — Полевые материалы автора, собранные в русинских селах Восточной Словакии в 2014 г. (Убля, Руски Грабовец, Руска Быстра) и 2018 г. (вместе с М. Н. Толстой; Улич, Стриговце, Убля и др.).

Терновская О. А. Божья коровка, или Ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур) // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов / отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М., 1993. С. 41–55.

Топоров В. Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе Основного мифа // Балто-славянские исследования. 1980 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1981. С. 274–300.

Топоров В. Н. К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете «*Latvju dainas*» (к 150-летию со дня рождения Кр. Барона) // Балто-славянские исследования. 1984 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1986. С. 29–59.

Топоров В. Н. Об отражении некоторых мотивов «основного» мифа в русских детских играх (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // Балто-славянские исследования. Вып. 16 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2004. С. 9–64.

AT ŪEt SAV — Archiv textov Ūstavu etnológie SAV (Bratislava, inv. č. 48).

DOI 10.31168/7996-2700-3.20

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru

Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав)*

Для объяснения происхождения фразеологизма *собаку съел* (на чем, в чем) ‘кто-л. является знатоком чего-л., имеет большой опыт в чем-л.’ существует много версий. Представляется возможной дополнительная аргументация в пользу одной из них.

В «Словаре русской фразеологии» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой в качестве формальной аналогии для русского фразеологизма приведена латинская поговорка *Linguam caninam comedit* (букв. «язык собачий съел») ‘о том, кто разглагольствует без меры и без устали’

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.